



Шени на аллеях  
Автор: •Вероника Дикая•

Вероника Дикая

**Тени на аллеях**

«Автор»

2026

**Дикая В.**

Тени на аллеях / В. Дикая — «Автор», 2026

В маленьком и на первый взгляд уютном городке Леталия разгорается мрачная тайна — одна за другой исчезают молодые девушки. На помощь вызывается Элоиза, остроумная и решительная детектив, готовая докопаться до правды любой ценой. Однако ее расследование быстро принимает неожиданный поворот, когда она внезапно встречает Кассиана, загадочного некроманта с темным прошлым. Вместе они врываются в мир магии, загадок и опасностей, сталкиваясь не только со злом, похищающим девушек, но и с собственными эмоциями, которые начинают пробуждаться между ними. «Тени на аллеях» — это захватывающий роман, переплетающий элементы детектива и фэнтези, в котором любовь и предательство идут рука об руку, а каждый шаг к раскрытию тайны может стать последним. Погрузитесь в этот мир, где заклинания оживают, а тени хранят секреты, которые способны изменить судьбы. Не пропустите шанс стать частью этой непростой игры, где каждая страница полна неожиданных поворотов и непредсказуемых сюрпризов!

© Дикая В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 7  |
| Глава 3                           | 13 |
| Глава 4                           | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Тени на аллеях

## Глава 1

Утро на пыльном перроне центрального вокзала Леталии встречало меня обволакивающим безмолвием, которое словно укутывало этот маленький городок в невидимый туман. Тяжелый воздух, пропитанный запахом старой железной дороги, мокрого камня и едва уловимым ароматом остывшей сажи, застыл над путями. Каждая деталь вокруг казалась замершей во времени: однообразные двухэтажные здания с выцветшими, шелушащимися фасадами цвета увядшей розы, покосившиеся чугунные фонари, чьи плафоны уже давно покрылись слоем глухой серой пыли и забыли о свете. Я поправила свой плащ, стараясь защититься от сырости и пронизывающего холода, который будто проникал в самую душу. Под ногами хрустел мелкий гравий, а сквозь трещины в бетонных плитах пробивалась чахлая, пожелтевшая трава. Ветер угнетающе шептал, гуляя по извилистым пустынным улицам и заставляя дребезжать ржавые вывески закрытых лавок.

Я, Элоиза Кристфорт, молодая и амбициозная детектив двадцати пяти лет. Некогда мне было лестно и почетно носить звание детектива, продолжая дело отца, который всегда гордился своей профессией. Однако сейчас, когда я перевелась в столицу, чтобы проявить себя, меня закинули в это захолустье с расследованием, которое, давайте быть честными, угрожало поставить под сомнение все мои старания и достижения. Страшно было даже представить, что провал в этом деле обернется радостью моих злопыхателей и завистников. Часто я становилась темой обсуждения за праздничным столом, когда речь заходит о моей «непохожести» на других девушек моего возраста, которые уже успели обзавестись семьями и детьми.

Моя мама была в шоке, когда я сообщила ей о своем решении поступить в Академию магии на специальность детектива. Она, как истинная мать, мечтала о традиционной жизни для дочери. Отец, в отличие от неё, никак не комментировал мой выбор, но я знала, что в глубине души он был недоволен моим решением. Мой путь был итогом упорства и смелости, я была уверена, что могу сделать мир лучше, разоблачая преступления и защищая тех, кто нуждается в защите. И неважно что меня готовили к жизни леди, навыки музицирования меня отлично успокаивают.

Весь путь к гостинице я проделала пешком. Зачем было тратить драгоценные монеты на скрипучий экипаж, когда этот крошечный городок, зажатый со всех сторон лесом, можно было с легкостью пересечь насквозь за какой-то час неспешной ходьбы? Да и пустынные, словно вымершие улицы совершенно не обнадеживали в том, что мне посчастливится встретить хотя бы одного полусонного извозчика. Вокруг не было ни души: лишь тени от причудливых карнизов удлинялись под ногами, а редкие витрины закрытых лавок смотрели на меня своими мутными, пыльными глазами-окнами, отражая мой одинокий силуэт в серой дымке раннего часа.

Когда я наконец подошла к гостинице «Леталия», на душе стало тягостно и необъяснимо тревожно. Массивное двухэтажное здание возвышалось над улицей мрачной глыбой, пугая своей неуютной чопорностью. Площадка перед входом была выложена отборными, когда-то аккуратно приставленными друг к другу камнями, но теперь между ними зияли глубокие щели, забитые прошлогодней листвой и грязью. Высокие, узкие окна, забранные в тяжелые темные рамы, смотрели на мир сквозь мутные стекла; они напоминали глаза слепца, затянутые белесой пеленой. Всё это — от облупившейся позолоты на вывеске до тяжелой, обитой железом двери — создавало гнетущую атмосферу заброшенности. В городе, охваченном немой паникой из-за череды загадочных исчезновений юных девушек, такое безрадостное обрамление только подчеркивало нарастающее, почти осязаемое напряжение, витавшее в воздухе. Я крепче сжала ручку своего саквояжа, решив, что лучшее, что я могу сейчас сделать — это быстро пройти

процедуру заселения, оставить вещи и, не теряя ни минуты, отправиться в местную следственную контору, чтобы выудить хоть какие-то подробности об этих пугающих происшествиях.

Едва я переступила порог, как меня окутал густой, почти осязаемый полумрак фойе, пропитанный тяжелым запахом пыли, старого дерева и засохшего воска. Массивные половицы под моими ногами отозвались на каждый шаг протяжным, надсадным скрипом, словно старое здание ворчало, недовольное тем, что его покой нарушили. У высокой стойки регистрации меня встретил пожилой мужчина; его лицо, испещренное глубокими морщинами, напоминало старую, пожелтевшую карту, а в выцветших глазах застыло выражение бесконечной усталости.

— Чего желаете? — проскрипел он когда я подошла ближе. Голос его был сухим, как шелест осенней листвы.

Я вежливо представилась и объяснила, что мне нужен номер на неопределенный срок. Старик медленно перевел на меня взгляд, изучая мое лицо с каким-то странным, почти сочувственным любопытством.

— Есть только один свободный, и он, прямо скажем, не из лучших, — произнес он с коротким, тяжелым вздохом, в котором промелькнуло не то предостережение, не то скрытая печаль. — Впрочем, если вам совсем некуда податься, он ваш.

Я едва заметно кивнула, принимая ключи. Сейчас мне было не до изысков и комфорта.

Номер был расположен на втором этаже путь куда пролегал через узкую, крутую лестницу. Оказавшись внутри номера — моя сумка с глухим стуком упала на дощатый пол. Я опустилась на край кровати, и комната ответила мне тонким металлическим звоном пружин.

Оглядевшись, я отметила массивный комод с облупившейся краской и таким же стулом, эмалированный умывальник в углу тускло поблескивал, узкая железная кровать и окно. К моему облегчению, здесь не было ни липкой паутины по углам, ни серой пыли. Застиранное постельное белье пахло не затхлостью, а терпкой, освежающей мятой, чей аромат странным образом успокаивал взвинченные нервы.

Я подошла к окну, стекло которого было изъедено временем и мелкими царапинами, и уставилась на пустынную улицу внизу. Мысли невольно вернулись к причине моего приезда — череде загадочных исчезновений. Красивые, талантливые, полные жизни девушки и женщины пропадали бесследно, оставляя после себя лишь вопросы и страх. Прошлые расследования заходили в тупик по непонятным пока причинам.

Сбросив тяжелый дорожный плащ, подол которого был густо покрыт слоем придорожной пыли и рыжей грязи, я с облегчением почувствовала, как плечи расправились. Комната была наполнена прохладой, и я решила прибегнуть к бытовой магии, чтобы привести себя в чувство. Легкое, едва уловимое движение пальцев — и по волосам пробежала незримая волна тепла. Мои темные волнистые пряди, отяжелевшие от вечерней влажности и слипшиеся в непослушные кольца, мгновенно просохли, становясь мягкими и послушными.

С привычной ловкостью я разделила волосы на две части и заплела их в тугие, аккуратные «колоски». Моя внешность постоянно играла со мной злую шутку на службе. Миниатюрный рост и хрупкое телосложение — узкие плечи, тонкая талия, маленькая грудь — заставляли коллег-детективов видеть во мне скорее беззащитную гимназистку, чем специалиста, способного распутать сложное дело.

Я взглянула на себя в мутноватую гладь зеркала над умывальником. Чуть раскосые «лисьи» глаза цвета горького шоколада, прямой, аккуратный носик и капризный изгиб пухлых губ. Острый подбородок подчеркивал некоторую дерзость моего характера. Это сочетание часто привлекало излишнее внимание поклонников, вызывая неловкость и заставляя меня выстраивать вокруг себя невидимую стену. О семье и детях в моем нынешнем положении не могло быть и речи: работа и магия поглощали меня без остатка. К тому же, в глубине души я понимала: тот человек, с которым я была бы готова разделить свой суматошный мир, еще просто не встретился на моем пути.

## Глава 2

Не желая тратить время, я быстро спустилась вниз к ресепшену. Мои мысли вновь вернулись к старику, который сидел за стойкой. Его пронизательные глаза, казавшиеся полными мудрости и тайн, привлекали мое внимание. Почему бы не задать ему несколько вопросов о странностях, которые происходят в этом городке?

— Снова здравствуйте, — начала я, стараясь придать голосу твердость. — Хотела бы спросить у вас: слышали вы истории о пропавших девушках?— А вам, юная леди, какое дело до этого? — прохрипел он.

— Меня направили в ваш город как детектива из столицы — ответила я, выкладывая свой главный козырь.

— И снова столичные... — старик скривился, и его лицо превратилось в маску горького скепсиса. Он пренебрежительно махнул рукой, унизанной старческими пятнами. — Вы тут более двух недель не выдерживаете. Чего только вас сюда засылают? Только зря воду мутите.

— И все же. Может, вы что-то знаете? — я не стала ходить вокруг да около, подавшись вперед и слегка надавив голосом.

Старик прикрыл глаза, и на его лице отразилась внутренняя борьба. Казалось, он перелистывает страницы памяти, выбирая, какую правду позволено знать чужаку. Наконец, он глубоко вздохнул и, не открывая глаз, начал свой рассказ тихим, пугающе спокойным тоном.

— Пропадать они начали примерно пол года назад, — начал он, и я тут же выудила блокнот из кармана плаща, приготовившись фиксировать каждое слово. — Первой исчезла дочь графа Фарьянса. Аристократы в пятом колене. Поначалу в городе лишь посмеивались, думали — юная кровь бурлит, сбежала девка с Демьяном, лесничим сыном. Но парень-то тем же утром дома объявился, ни сном ни духом... Обыскали каждый овраг в лесу, каждую нору — пусто. Граф бросил все силы на поиски, да только толку? Словно земля разверзлась.

Он на мгновение замолк, и я услышала, как за окном завыл ветер, пробираясь сквозь щели в рамах.

— Ровно через месяц беда постучалась к Лавьяновым. Близняшки их, тихие девочки были, в пекарне родителям помогали. Это здание по правую руку от нашей гостиницы, сразу на углу увидите, — старик неопределенно махнул в сторону двери. — Пропали в одночасье. Снова лес прочесывали, но ни следа, ни клочка одежды. Семья в розыск подала, умоляли о помощи, а дело... — он горько усмехнулся. — Дельце быстро замяли, штамп поставили «пропавшие без вести» и в архив.

Старик замаялся, его взгляд затуманился, словно он видел перед собой страшные картины прошлого.

— А потом случилось то, что заставило даже самых смелых запереть двери на засовы. Кэтрин Фристили. Местная звезда, из тех, что дарят утеху в домах с красными фонарями. Её нашли... спустя неделю. В лесу, недалеко от города. Были следы будто тело тащили. Тело было обезображено так, что узнали только по волосам. И снова — ни преступника, ни зацепок. Месяц назад дошла очередь и до миссис Партисон, жены мясника. Женщина в годах, солидная... и тоже канула в этот туман.

Он поднял на меня глаза, и в них блеснул настоящий, неприкрытый страх.

— Последний ищейка, что сюда заезжал, только и выдал: «Все мертвы», после чего умчался обратно в свою столицу, не дожидаясь рассвета. Официальный розыск умыл руки. Жители живут в кошмаре, гадая, чью дочь или жену город поглотит завтра. Больше мне сказать нечего, леди детектив. Извините... эта рана у нас на сердце никак не заживает. Город находится в трауре уже продолжительное время.

Старик замолчал и снова стал похож на неподвижное изваяние, оставив меня наедине с холодной хроникой исчезновений.

Я вежливо поблагодарила его за помощь — информация оказалась куда более детальной и пугающей, чем сухие строки в моем первоначальном предписании. Оставив его в тени стойки, я вышла на улицу, где холодный ветер тут же вцепился в полы моего плаща, и направилась в сторону своей временной конторы.

Оглядывая ситуацию, я понимала, что мы имеем дело с чередой исчезновений, которые безнаказанно продолжаются на протяжении долгих месяцев. Однако одно вызывало во мне особое недоумение, перерастающее в подозрение: почему это дело только сейчас, спустя столько времени и жертв, наконец попало в центральный расследовательский отдел?

Но самым странным было несоответствие фактов. В моей утвержденной следственной форме было официально указано лишь три жертвы из пяти, о которых рассказал старик. И что еще более необъяснимо — в документах они уже значились мертвыми. Где же тогда их тела, если старик ясно дал понять, что нашли лишь одну? Что на самом деле объединяет этих женщин? Эти вопросы, словно острые осколки головоломки, заполняли мои размышления до такой степени, что я чувствовала, как сознание буквально затуманивается от тяжести этого напряжённого анализа. Город хранил тайну, которую кто-то наверху очень старательно пытался подправить на бумаге.

Когда я подошла к зданию следовательской конторы — приземистому строению из серого камня, от которого веяло казенным холодом, — меня встретил отнюдь не радушный прием. Внутри царил гнетущее безмолвие: массивный стол секретаря пустовал, лишенный обычного шума бумаг и скрипа перьев.

Вдруг из боковой двери, тяжело скрипнувшей на петлях, вышел мужчина, и наши взгляды встретились.

— Вы по какому делу? — спросил он низким, густым голосом, в котором слышались привычка командовать и скрытая подозрительность.

На вид ему было около сорока пяти: заметная проседь серебрила виски, а глубокие морщины в уголках глаз свидетельствовали о хроническом недосыпе. Несмотря на явное бремя нервной работы, которое ссутило его крепкие плечи, он сохранял суровую мужскую привлекательность, подчёркнутую пронизательным взглядом льдисто-голубых глаз. Высокий и статный в своем помятом пиджаке, он заполнил собой все пространство узкого холла.

— Я детектив, направленный из столицы, — гордо заявила я, выпрямив.

Он смерил меня взглядом с головы до ног, и на его лице промелькнула тень скепсиса.

— Ах, да. Нам же девушку в этот раз прислали, — бросил он, приглушив последние слова недовольным, почти небрежным тоном.

Я отчетливо уловила эту интонацию. Его мнение волновало меня меньше всего — за годы службы я выработала иммунитет к подобному пренебрежению. Мне слишком часто доводилось слышать, что расследование преступлений — не женское дело, и настойчивые утверждения о том, что моё истинное предназначение — уютный дом и воспитание детей, преследовали меня с самой академии. Но я никогда не позволяла чужим предрассудкам стать моей реальностью. Мой путь был выбран осознанно, и я продолжала следовать к своей цели, перешагивая через чужое высокомерие так же уверенно, как через лужи на неблагополучных улицах этого города.

— Я Дариан Сафьян, главный следователь отдела, — наконец представился он. Голос его звучал теперь более властно и веско, с той непоколебимой уверенностью человека, который привык быть хозяином положения.

— Ну что ж, господин Сафьян, вы покажете мне мой кабинет на время расследования? — поинтересовалась я, слегка наклоняя голову чтобы поймать его взгляд и уловить малейшее

изменение в выражении его лица — будь то раздражение или мимолетное уважение к моей настойчивости.

— Да, пойдёмте, — коротко бросил он. Едва заметно кивнув, мужчина развернулся на каблуках и направился в глубь коридора. Его шаги гулко отдавались от серых стен, пока мы не остановились перед тяжелой, неприметной дверью из темного дерева, чья краска давно облупилась по углам. Она выглядела такой же серой и безликой, как и всё это казенное здание.

Как только я переступила порог, комната встретила меня запахом старой бумаги и легким налетом пыли. Обстановка оказалась подчеркнута скромной, почти спартанской. Этот кабинет разительно отличался от просторных, залитых светом кабинетов в столичном управлении с их новой и удобной мебелью и большими окнами. Здесь же царила теснота: массивный, истертый до дыр в лаковом покрытии стол жалобно скрипнул, стоило мне коснуться его края, а пара тяжелых стульев с выцветшей обивкой выглядели так, будто помнили еще создателей этой конторы. Одинокая лампа на столе отбрасывала длинные, косые тени на выкрашенные в оливковый цвет стены. Однако, окинув взглядом это аскетичное пространство, я лишь тверже сжала губы. Роскошь интерьера не имела значения. Главное — теперь у меня было свое место, тихая гавань, где я смогу по крупицам собрать факты и полностью погрузиться в расследование.

— Вы надолго? — неожиданно спросил главный следователь.

Он вошёл следом за мной почти бесшумно, хотя до этого его шаги отчетливо отдавались в коридоре. Дверь за его спиной закрылась с сухим щелчком, и в тесном кабинете сразу стало как будто меньше воздуха. Дариан Сафьянов остался стоять у входа, не спеша проходить дальше, словно намеренно оставляя между нами расстояние и одновременно перекрывая единственный выход. Вопрос прозвучал буднично, но в его тоне я уловила нечто большее, чем простое любопытство. Проверку. Осторожную попытку понять, насколько глубоко я собираюсь копать.

— Станный вопрос от следователя, — ответила мужчине.

Я провела ладонью по шершавой поверхности старого дерева, собирая на пальцах тонкую серую пыль. Затем отодвинула стул, который отозвался протяжным скрипом, и опустилась за свой временный рабочий стол. Мне хотелось выглядеть спокойной, даже немного равнодушной, хотя внутри уже начинало нарастать напряжение. Слишком многое в этом месте казалось неправильным: закрытые дела, молчание местных властей, осторожные взгляды сотрудников в коридоре и теперь этот вопрос.

— Кстати, почему в деле только три последние жертвы? — продолжила я, не сводя с него взгляда. — И почему ваш отдел закрывал дела, не расследовав их толком?

Я произнесла это ровно, но достаточно твердо, чтобы он понял: уклончивые ответы меня не устроят. Пока говорила, внимательно следила за его лицом, пытаясь уловить хоть малейшее изменение — напряжение в уголках губ, вспышку раздражения во взгляде, непроизвольное движение пальцев. Дариан не выглядел человеком, которого легко застать врасплох, но даже такие люди иногда выдают себя в мелочах.

— Ого, уже успели выяснить? — с легкой усмешкой произнес мужчина.

Он чуть приподнял бровь, и эта усмешка на мгновение сделала его лицо почти насмешливым. Однако удивление всё же мелькнуло в его глазах — быстро, едва заметно, но я успела его заметить.

— Вы ведь, кажется, только сегодня прибыли в наш город? Похвально.

Он говорил спокойно, но теперь я уже была уверена: мой вопрос задел его. Возможно, не лично, но слишком близко к чему-то, о чём здесь предпочитали не говорить вслух.

— Я вроде задала вопрос, на который ответ не получила — с нажимом произнесла я.

Я откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди, и позволила тишине повиснуть между нами. В маленьком кабинете она ощущалась особенно тяжёлой. За стеной кто-то прошёл по коридору, половицы тихо застонали под чужими шагами, а потом всё снова стихло.

Я не собиралась позволять ему увести разговор в сторону. Если здесь действительно что-то скрывали, то начинать нужно было именно с этого.

— Что ж, — наконец произнес Дариан.

Он медленно перевёл взгляд с меня на папки, лежавшие на столе, затем снова посмотрел мне в лицо. На этот раз усмешка исчезла. Мужчина облокотился плечом о деревянный косяк двери, сложив руки на груди. В этой позе было что-то нарочито расслабленное, но напряжение в его челюсти говорило об обратном.

— Тут дело в том, что такие дела доходят до нашего главы городка. Каждое расследование проходит через него.

Он сделал короткую паузу, будто взвешивал, сколько именно может сказать.

— Долгое время он приказывал просто закрывать дела, не впуская никого из столицы. Формально всё оформлялось как побег, несчастный случай или добровольное исчезновение. Девушки ведь были молодыми: кому-то приписывали желание уехать, кому-то — ссору с родителями, кому-то — сомнительные связи. Бумаги составлялись так, чтобы у вышестоящих не возникло лишних вопросов.

С каждым его словом холод внутри меня становился острее. Я медленно раскрыла ближайшую папку и увидела первую фотографию: молодое лицо, аккуратно прикрепленное к листу с сухими строками протокола. Имя, возраст, дата исчезновения. Слишком мало для человеческой жизни. Слишком мало для чьей-то дочери, сестры, подруги.

— Но прошло уже полгода, — продолжил Дариан тише. — За это время успело пропасть много девушек. И, похоже, тот, кто за этим стоит, останавливаться не собирается. Слухи поползли быстрее, чем их успевали глушить. Родственники начали собираться у управы, требовать ответов. Население возмутилось, и у главы города не осталось выбора, кроме как подать прошение о расследовании.

Он снова замолчал, и в этой паузе я услышала, как где-то за окном каркнула ворона. Звук вышел резким, неприятным, будто подчёркивал мрачность сказанного.

— Но он, в свою очередь, приказал упоминать только последние три жертвы, — добавил следователь. — Официально именно эти дела и передали вам. Остальное как бы не существует.

Я медленно выдохнула и опустила взгляд на разложенные перед собой документы.

— Странно всё как-то, — задумчиво произнесла я.

Я начала раскладывать папки по датам, стараясь выстроить хотя бы примерную последовательность исчезновений. Пальцы скользили по пожелтевшим листам, цеплялись за углы фотографий, за небрежно заполненные бланки, за короткие показания свидетелей, в которых слишком часто повторялись одни и те же фразы: «ничего необычного», «ушла сама», «следов борьбы не обнаружено». Чем больше я смотрела, тем сильнее крепло ощущение, что передо мной не отдельные случаи, а тщательно скрываемая цепочка.

— Не просто странно — добавила я уже тише, больше для себя, чем для него. — Кто-то очень постарался, чтобы эти девушки исчезли дважды. Сначала из города, а потом из документов.

— У вас есть какие-либо мысли? Может, поделитесь? — спросил он, пристально смотря на меня.

Его взгляд задержался на моём лице слишком надолго. Не просто внимательный, не просто профессиональный — изучающий, цепкий, почти навязчивый.

— Вы же понимаете, что всё очень подозрительно. Это точно не похоже на совпадение — сказала я, откидываясь на спинку стула.

Старое дерево стула жалобно скрипнуло под моим движением. Я перевела взгляд на окно, за которым виднелась узкая улица, утопающая в сером предвечернем свете. Низкие облака висели над крышами домов, делая город ещё более мрачным и замкнутым. Прохожих почти не было, а те редкие фигуры, что мелькали за стеклом, двигались быстро, не задерживаясь и не

оглядываясь по сторонам, словно каждый здесь давно привык держаться подальше от чужих бед.

Я смотрела на это и думала о том, как запутанно выглядит вся ситуация. Слишком много исчезновений. Слишком много одинаковых объяснений. Слишком много людей, которые предпочитали молчать или делать вид, что ничего не происходит. Каждое новое обстоятельство не приближало к ясности, а, наоборот, затягивало дело в ещё более густой туман. И чем больше я узнавала, тем сильнее ощущала, как нарастает тревога.

Это было уже не просто расследование по служебному поручению. На моих плечах оказалась куда большая ответственность. За сухими строками протоколов стояли живые люди — девушки, которые однажды вышли из дома и не вернулись. Их семьи, вероятно, продолжали ждать, цепляясь за любую надежду. А кто-то в этом городе, возможно, всё это время знал больше, чем говорил.

— Я это прекрасно понимаю, — произнёс мужчина после короткой паузы. — Но предыдущие детективы ничего не нашли. Вы уверены, что стоит тратить время?

В его голосе не было откровенной насмешки, но мне всё равно не понравилось, как прозвучал этот вопрос. Слишком спокойно. Слишком отстранённо. Будто речь шла не о пропавших людях, а о старых бумагах, которые можно переложить из одной папки в другую и забыть в дальнем шкафу. Я медленно повернула голову и снова посмотрела на него.

— Даже сомнений нет, — ответила я твёрдо.

Я поднялась из-за стола, собирая несколько папок в аккуратную стопку. Разговор начал меня утомлять. Не потому, что вопросы были сложными, а потому, что за каждым его словом я слышала невысказанное: не лезьте глубже, не тратьте силы, не тревожьте то, что уже привыкли считать закрытым.

— Ладно, у меня много дел, — добавила я, взяв верхнюю папку и прижав её к себе. — Я так понимаю, что помимо этого дела меня тут ничем не будут обременять. Так что буду отчитываться уже по итогам, когда что-то узнаю.

Мои слова прозвучали резче, чем я планировала, но исправлять это я не стала. Иногда резкость полезнее вежливости, особенно когда собеседник пытается навязать тебе сомнения под видом заботы или разумного совета.

Дариан несколько секунд смотрел на меня молча. По его лицу было трудно понять, задела ли его моя прямота. Затем он едва заметно кивнул, оттолкнулся плечом от косяка и сделал шаг в сторону.

Я подошла к двери и открыла её, ясно давая понять, что разговор окончен. Он задержался на пороге всего на мгновение, будто хотел сказать что-то ещё, но передумал. В коридоре тянуло сыростью и холодом, откуда-то доносился глухой шум голосов, быстро стихший, как только дверь распахнулась шире. Следовательно бросил на меня последний внимательный взгляд и вышел.

Я закрыла за ним дверь, чуть сильнее, чем требовалось. Щелчок замка прозвучал в тишине кабинета почти как точка.

Итак, что мы имеем?

Я вернулась к столу и снова разложила перед собой документы. Жертвы, по словам администратора из гостиницы, исчезали при странных обстоятельствах, и происходило это уже полгода. Не один случай, не два — целая цепочка, которую кто-то старательно пытался представить набором случайностей. Девушки были разного возраста, из разных семей, с разными привычками и кругом общения, но в их историях неизменно повторялось одно: в какой-то момент они просто исчезали, а затем их дела поспешно закрывались или задвигались подальше.

Да, всё это было странно. Слишком странно, чтобы считать совпадением. И в таком деле, как бы сильно ни хотелось сразу найти главную ниточку, важно было начать с основ. С того, что

почти всегда оказывается надёжнее официальных отчётов: с людей, которые знали пропавших лично.

Я достала чистый лист и начала составлять список тех, с кем следовало поговорить в первую очередь. Родители, братья и сёстры, подруги, соседи, работодатели. Те, кто мог заметить перемены в поведении девушек перед исчезновением. Те, кто видел их в последний день. Те, кто слышал разговоры, сплетни, обрывки фраз, на которые раньше никто не обратил внимания.

Для начала нужно было опросить семьи пропавших. Живое горе редко бывает аккуратным и последовательным, но именно в нём иногда прячутся детали, которые не попадают в протоколы. Родственники могли вспомнить мелочь: странное письмо, незнакомца у дома, внезапное беспокойство, разговор, после которого девушка изменилась в лице. Любая незначительная подробность могла стать началом следа.

Я провела пальцем по списку имён и остановилась на одной фамилии. Владелец кондитерской.

## Глава 3

Начать с него казалось разумным. Если не брать в учет что дочери кондитера так же пропали, то это заведение находилось в оживлённой части города, а такие места часто служат неофициальными центрами жизни. Там собираются соседи, заходят торговцы, служащие, девушки после работы, дети с поручениями от родителей. За чашкой чая и сладкой выпечкой люди говорят больше, чем собирались. Жалобы, слухи, чужие секреты, случайно услышанные разговоры — всё это могло осесть в памяти внимательного хозяина.

Решение было принято. Сидеть в кабинете среди пыльных бумаг больше не имело смысла. Настоящее расследование начиналось там, за окном, в узких улицах этого настороженного города, где каждый мог что-то знать.

Я шла через центральную площадь, и, хотя день уже давно вступил в свои права, улицы оставались поистине пустынными. Это особенно бросалось в глаза после тесных переулков, где каждый звук казался приглушённым стенами домов. Здесь же пространство раскрывалось широко и неуютно, будто сам город внезапно расступился, оставив меня одну посреди вымершего места.

Я невольно замедлила шаг. Было странно видеть центральную площадь такой безжизненной. В это время здесь должны были шуметь торговцы, спорить покупатели, бегать дети, скрипеть тележные колёса, звенеть дверные колокольчики. Но вокруг не было ни голосов, ни шагов, ни привычного городского гомона. Даже птиц почти не слышно. Только где-то далеко глухо стукнула плохо закреплённая ставня, и этот звук прокатился по площади слишком отчётливо, заставив меня оглянуться.

Лишь один старик, одетый в разрозненные лохмотья, сидел на земле у подножия старого фонтана. Сам фонтан давно не работал: в чаше вместо воды лежала грязь, несколько сломанных веток и почерневшие монеты, будто кто-то когда-то бросал их туда на счастье, а потом город разучился верить даже в такие мелочи. Фигура старика казалась почти частью этого запущенного места. Он сидел, поджав под себя ноги, тяжело качаясь из стороны в сторону, обняв себя руками и тихо бормоча что-то себе под нос.

Одежда на нём была настолько изношенной, что уже трудно было понять, из чего она когда-то состояла. Старое пальто с оборванным подолом висело на его худых плечах бесформенным мешком. Один рукав был надорван до локтя, другой перетянут верёвкой. На шее болтался грязный шарф, больше похожий на тряпку. Его седые волосы спутались, прядями падали на лицо, а длинная неопрятная борода двигалась вместе с губами, которые безостановочно шевелились.

Он не смотрел по сторонам. Казалось, старик вообще не замечал площади, домов, меня, всего окружающего мира. Его взгляд был опущен куда-то вниз, в щели между камнями, словно там, в грязи и пыли, он видел что-то недоступное остальным. Иногда он вздрагивал, будто слышал внезапный звук, но вокруг по-прежнему стояла тишина. Иногда его пальцы сильнее впивались в собственные плечи, и тогда качание становилось быстрее.

Его образ создавал мрачное настроение, но дело было не только в жалости или тревоге. В нём было что-то неестественное, какая-то пугающая отрешённость человека, который либо слишком много пережил, либо слишком много знал. Я не могла отделаться от мутного чувства, что в этом городе что-то не так. Это ощущение преследовало меня с самого приезда, но здесь, на пустой площади, оно стало почти осязаемым. Казалось, тишина не просто окружала меня — она давила, предупреждала, требовала уйти.

Оглядевшись и убедившись, что на улице действительно никого нет, я решила подойти к этому мужчине, надеясь, что он сможет рассказать мне хоть что-то полезное. Такие люди часто слышат больше, чем кажется. Их не замечают, обходят стороной, считают частью город-

ского мусора, но именно поэтому при них говорят свободнее. Он мог видеть, кто проходил по площади ночью. Мог запомнить лица, имена, странные встречи. Мог знать слухи, которые не попадали в официальные отчёты.

Я остановилась рядом, оставив между нами небольшое расстояние.

— Простите, вас что-то беспокоит? — произнесла я осторожно.

Мой голос прозвучал в пустоте площади непривычно ясно. Старик резко замер. Его качание прекратилось так внезапно, что мне стало не по себе. Несколько секунд он сидел неподвижно, сгорбившись, будто не понял вопроса или пытался вспомнить, как отвечают живым людям. Затем его голова медленно поднялась.

Сумасшедший взгляд старика вдруг устремился на меня.

Глаза у него были мутные, воспалённые, но при этом странно острые. В них мелькнуло нечто большее, чем простое безумие: страх, узнавание, может быть, даже предупреждение. Он смотрел так, будто видел перед собой не меня, а кого-то другого. Или что-то рядом со мной. Я невольно обернулась через плечо, но позади никого не было — только пустая площадь, закрытые двери и серый свет.

Губы старика задрожали. Он начал бормотать какую-то околесицу, которая не имела смысла.

— Камень помнит... вода молчала, а потом высохла... не ходи за колоколом, когда он не звонит... лица, лица под кожей... все возвращаются, только не все дышат...

Он говорил то шёпотом, то срывался на хрип, будто слова царапали ему горло. Некоторые фразы распадались на бессвязные звуки, другие звучали почти осмысленно, но смысл тут же ускользал. Его речь напоминала обрывки дурного сна, в котором каждая деталь кажется важной, но, проснувшись, невозможно объяснить почему.

Я напряглась, стараясь уловить хоть что-нибудь, что могло бы иметь отношение к исчезновениям.

— О ком вы говорите? — спросила я тише. — Кто возвращается?

Старик вздрогнул и сильнее обхватил себя руками. Его пальцы, грязные, с потрескавшейся кожей и чёрными ногтями, впились в ткань пальто. Он снова начал раскачиваться, но теперь его взгляд не отрывался от моего лица.

— Не называй их, — прошептал он. — Имена держат двери открытыми. Закроешь рот — услышишь шаги. Откроешь — они услышат тебя.

От этих слов по спине пробежали мурашки. Я понимала, что передо мной, вероятно, человек с помутнённым рассудком, но в его голосе было столько неподдельного ужаса, что отмахнуться от сказанного не получалось. Безумие безумием, но иногда именно оно сохраняет то, что здравомыслящие люди предпочитают вытеснить.

— Вы видели кого-то? — продолжила я, стараясь говорить спокойно. — Девушек? Тех, кто пропал?

При этом вопросе лицо старика исказилось. Он будто хотел отодвинуться от меня, но за спиной у него был только холодный камень фонтана. Его дыхание стало частым и шумным. На мгновение мне показалось, что он сейчас закричит, однако вместо этого он наклонился вперёд и почти беззвучно произнёс:

— Красные ленты. Мокрые волосы. Пустые глаза у тех, кто смеётся. Они звали их сладким голосом. Сладким... слишком сладким...

— Кто звал? — спросила я, делая шаг ближе. — Мужчина? Женщина? Вы знаете его?

Старик замотал головой так резко, что седые пряди хлестнули его по лицу.

— Не его... не её... не то... — забормотал он. — Иногда дверь открывает человек, а входит другое.

Он вдруг схватил меня за край рукава. Его рука оказалась неожиданно сильной, холодной и сухой. Я вздрогнула, но не отдёргнулась сразу, потому что в следующую секунду он поднял на меня глаза и произнёс уже чётче, с явным предостережением:

— Остерегайся. Иногда они появляются снова, только не в том виде, в котором уходили.

После этих слов его хватка ослабла. Внимание старика вновь вернулось к земле, будто короткая вспышка ясности погасла так же внезапно, как возникла. Он отпустил мой рукав и снова принялся качаться из стороны в сторону, бормоча что-то непонятное. Теперь разобрать было почти невозможно: отдельные шёпоты, обрывки фраз, повторяющиеся слова о воде, дверях, чужих лицах и колоколе, который не должен звонить.

Слова старика продолжали звучать у меня в голове, пока я уходила с площади:

«Иногда они появляются снова, только не в том виде, в котором уходили».

Отступая назад на шаг, я неожиданно наткнулась на что-то твёрдое.

Это произошло так внезапно, что я даже не сразу поняла, что именно случилось. Ещё мгновение назад передо мной был только старик, сидящий у подножия высохшего фонтана, его невнятный шёпот и пустая площадь, давящая своей тишиной. Я всё ещё слышала в голове его слова, будто они зацепились за сознание острыми крючьями: «Иногда они появляются снова, только не в том виде, в котором уходили». От этих слов по коже продолжали бежать мурашки, и, когда за моей спиной вдруг возникло препятствие, страх мгновенно превратился в чистый, слепой импульс.

Меня словно что-то придержало за талию.

Чья-то рука — крепкая, неожиданно тёплая — коснулась сбоку, не грубо, скорее удерживая от падения, но в тот момент я не была способна различать намерения. Мир сузился до одного-единственного: кто-то оказался слишком близко, за моей спиной, в месте, которое ещё секунду назад казалось совершенно пустым. Площадь, старик, закрытые окна — всё слилось в серое пятно. Сердце ударило в грудь так резко, будто пыталось вырваться наружу.

В панике я дёрнулась.

Движение вышло быстрым, почти звериным. Инстинктивно, не думая, я схватила незнакомца за руку. Пальцы сами нашли запястье, зафиксировали его, развернули под нужным углом. Я даже не успела как следует испугаться — тело сработало за меня. В следующее мгновение я одновременно оттолкнула его плечом, шагнула в сторону и, используя его собственный вес, резко опрокинула на землю.

Всё произошло за какие-то доли секунды.

Раздался глухой удар, когда незнакомец рухнул на каменную мостовую. По площади прокатилось эхо. Где-то на краю зрения старик у фонтана испуганно вскинул голову и тут же снова сгорбился, будто происходящее его не касалось или, наоборот, касалось слишком сильно.

Я замерла, тяжело дыша, с поднятой рукой, готовая к следующему движению. Похоже, мой рефлекс сработал раньше страха, потому что только теперь я осознала, что передо мной не чудовище из бредовых речей старика и не тень, выползшая из пустых улиц, а человек.

У моих ног лежал привлекательный мужчина с тёмными волосами и выражением неподдельного шока на лице.

Он смотрел на меня снизу вверх так, словно пытался совместить в голове два факта: во-первых, он, вероятно, собирался всего лишь остановить меня от неосторожного шага, а во-вторых, теперь лежал на мостовой, аккуратно уложенный туда женщиной, которую видел впервые в жизни. Его тёмные волосы немного растрепались, одна прядь упала на лоб, а на лице застыло такое искреннее удивление, что, несмотря на напряжение, мне захотелось усмехнуться.

Одет он был безупречно — слишком безупречно для этой пустой, пыльной площади. Тёмное пальто хорошего кроя, чистая рубашка, идеально сидящие брюки, кожаные перчатки. Даже после падения он умудрялся выглядеть так, будто это была не неловкая случайность, а

часть тщательно продуманного представления. Только широко раскрытые глаза выдавали, что подобного развития событий он всё-таки не предвидел.

Несколько секунд мы молчали. Я всё ещё пыталась успокоить дыхание, а он всё ещё лежал на земле, вытянувшись в позе удивления, словно не решил, обижаться ему, смеяться или аплодировать.

— Я не ожидал такого поворота событий, — произнёс он наконец.

Голос у него оказался низким, ровным, с лёгкой хрипотцой. В нём не было ни злости, ни испуга — скорее ошеломлённое веселье. Он произнёс фразу так, будто падать на мостовую посреди мрачной площади от рук незнакомки было редким, но в некотором смысле занятным опытом.

Я медленно выпрямилась, заставляя себя опустить руку. Напряжение всё ещё держало мышцы, но вместе с ним возвращалась способность мыслить. Я взглянула на него сверху вниз и, заметив, что он не пытается нападать, позволила себе вдохнуть глубже.

— Знаете, к моим ногам часто мужчины падают, — усмехнулась я, вновь взяв себя в руки.

Я старалась, чтобы голос звучал уверенно и насмешливо, будто всё произошедшее было полностью под моим контролем. На самом деле внутри всё ещё металось сомнения, недоумение и остатки страха. Я понятия не имела, откуда он взялся. Минуту назад площадь была пуста. Я проверяла. Я оглядывалась. Я была уверена, что рядом нет никого, кроме старика.

И всё же этот мужчина стоял за моей спиной достаточно близко, чтобы коснуться меня.

Эта мысль не давала расслабиться.

Он слегка приподнял бровь, всё ещё лёжа на камнях, потом медленно опёрся на локоть. На его губах появилась лёгкая усмешка — не насмешливая, а скорее заинтересованная.

— Я подозреваю, каким образом они падают к вашим ногам, — сказал он.

После этого он начал подниматься с земли. Делал он это без спешки, с той непринуждённой уверенностью, которая обычно бывает у людей, привыкших чувствовать себя хозяевами положения даже в самых нелепых обстоятельствах. Сначала он сел, затем поднялся на одно колено, отряхнул ладонь от пыли и, наконец, встал во весь рост.

Я невольно отметила, что рост у него оказался весьма внушительным.

Когда он поднялся, мне пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Мужчина с тёмными волосами и пронзительными чёрными глазами стоял передо мной, поправляя идеально сидящие брюки на своих длинных ногах. Затем он провёл рукой по пальто, стряхивая с ткани пыль, и поправил манжету так спокойно, будто только что не был опрокинут на землю за считанные секунды.

Вблизи он выглядел ещё более примечательно. Черты лица — чёткие, выразительные, с лёгкой резкостью в линии скул и подбородка. Кожа бледноватая, но не болезненная; скорее такая, какая бывает у людей, предпочитающих тень яркому солнцу. Тёмные волосы были аккуратно уложены, хотя после моего броска потеряли часть своей безупречности. И всё же это только добавляло ему живости.

Но больше всего цепляли его глаза.

Они были почти чёрными, внимательными и слишком пронзительными. Он смотрел так, будто за несколько секунд успел не только оценить мою реакцию, но и сделать из неё выводы, которые пока не собирался озвучивать. В его взгляде не было страха. Раздражения — тоже. Там было любопытство. Осторожное, насмешливое и неприятно точное.

Его уверенный взгляд вновь встретился со мной.

— Вы всегда так встречаете людей? — спросил он, слегка склонив голову набок.

— Только тех, кто появляется у меня за спиной без предупреждения, — ответила я.

Он усмехнулся, будто мой ответ его вполне устроил.

— Справедливо.

Я скрестила руки на груди и бросила быстрый взгляд ему за плечо. Площадь оставалась пустой. Закрытые лавки, молчаливая ратуша, высохший фонтан, старик, снова уткнувшийся взглядом в камни. Никаких спутников мужчины, никаких экипажей, никаких следов того, откуда он пришёл. Это беспокоило меня всё сильнее.

— Вы давно здесь стояли? — спросила я.

Он не сразу ответил. Сначала внимательно посмотрел на старика у фонтана, потом снова на меня.

— Достаточно давно, чтобы понять, что беседы с местными пророками редко заканчиваются хорошим настроением.

— Вы его знаете?

— В этом городе все его знают, — сказал мужчина. — И все делают вид, что не слышат.

— А вы, значит, слушаете?

— Иногда полезно.

Его спокойствие раздражало почти так же сильно, как и его внезапное появление. В нём было что-то нарочито выдержанное, будто он привык вести разговоры на своих условиях и наблюдать, как собеседники постепенно теряют терпение.

Я уже собиралась ответить резче, но в этот момент старик у фонтана вдруг издал короткий сдавленный звук. Не крик — скорее испуганный всхлип. Мы оба повернулись к нему.

Старик смотрел на мужчину.

В его лице не осталось ни прежней отрешённости, ни бессвязного безумия. Только страх. Чистый, узнаваемый страх человека, который увидел перед собой нечто хорошо знакомое и ужасное. Его губы зашевелились, но голос почти не звучал.

— Не тот вид... — прошептал он. — Не тот...

Я медленно перевела взгляд обратно на незнакомца.

Он не изменился в лице. Всё та же лёгкая усмешка, всё та же уверенная осанка, всё тот же безупречный вид. Но теперь в его тёмных глазах появилась тень — настолько быстрая, что я могла бы принять её за игру света.

— Похоже, — произнёс он мягко, — ваш новый знакомый сегодня особенно разговорчив.

Я не ответила.

— И кто же та девушка, что заставила меня лечь у её ног? — спросил он, обходя меня внимательным взглядом.

Он произнёс это почти легко, с той насмешливой вежливостью, за которой обычно скрываются либо превосходное воспитание, либо опасная привычка сохранять самообладание при любых обстоятельствах.

Касание его взгляда оказалось неожиданно ощутимым. Он не разглядывал меня грубо или бесцеремонно, нет. Скорее изучал, словно я была не случайной прохожей и не перепуганной женщиной, а загадкой, которую хочется разгадать.

— Кристофорт, детектив, прибывшая из столицы, — ответила я, стараясь звучать уверенно, хотя внутри меня по-прежнему бушевали эмоции. — А как к вам обращаться?

Мужчина чуть склонил голову, словно принимая моё имя к сведению.

— Кассиан Стэкфиртон, некромант — произнёс он.

## Глава 4

Снова осмотрела мужчину, теперь уже совсем иначе.

Ещё минуту назад был для меня просто странным незнакомцем: слишком красивым, слишком уверенным, слишком бесшумным. Теперь же каждый его жест начал казаться значимым. Безупречное тёмное пальто больше не выглядело просто признаком вкуса; оно напоминало траурную ткань, выбранную не по случаю, а по призванию. Кожаные перчатки на его руках вдруг заставили задуматься о том, чего именно эти руки касались прежде. Лёгкая бледность лица уже не казалась особенностью внешности — в ней чудилось родство с ночными кабинетами, закрытыми склепами, свечами, горящими слишком ровным пламенем, и книгами, которые не должны лежать на открытых полках.

И всё же назвать его отталкивающим было невозможно.

В этом и заключалось самое тревожное. Кассиан Стэкфиртон не походил на страшные картинки из дешёвых столичных брошюр, где некромантов изображали с провалившимися глазами, костлявыми пальцами и безумными улыбками. Напротив, передо мной стоял мужчина, чья внешность располагала к доверию куда сильнее, чем следовало бы.

Фамилию Стэкфиртон знал каждый, кто хоть немного интересовался событиями в нашем мире. Стэкфиртон. Фамилия, произносимая не слишком громко. Фамилия, после которой люди либо презрительно хмыкали, либо проверяли, плотно ли закрыта дверь.

Его имя, как зловещий шёпот, покрывало собой целую ауру тайн и загадок. Одни говорили, что он участвовал в расследованиях, где обычная логика оказывалась бесполезной, а мёртвые знали больше живых. Другие уверяли, что именно он закрывал дела, от которых отказывались целые департаменты. Третьи, понижая голос до едва слышного шёпота, рассказывали о его тёмных занятиях и необычных способностях: будто он способен вызвать из небытия не только имя убийцы, но и последнее воспоминание жертвы; будто ему подвластны голоса тех, кого давно похоронили; будто в его доме есть комнаты, куда не входит даже прислуга.

Были и те, кто утверждал ещё более странное.

Они говорили, что Кассиан Стэкфиртон умеет заглядывать в будущее.

Разумеется, в столице такие слухи официально считались нелепостью. Любой здравомыслящий человек должен был бы отмахнуться от них как от суеверий, которыми провинциальные газеты кормят скучающую публику. Но я слишком долго работала детективом, чтобы с лёгкостью отвергать то, чему не находилось удобного объяснения. Мир редко бывает таким простым, каким его описывают в учебниках и отчётах.

И сейчас этот человек стоял передо мной.

Не легенда, не газетная сплетня, не имя в чужом пересказе, а живой мужчина с тёмными волосами, чёрными внимательными глазами и пылью на краю пальто после моего броска.

— Некромант, — повторила я медленно.

Слово далось мне труднее, чем хотелось бы. Я постаралась, чтобы в голосе не прозвучало ни страха, ни осуждения, но по тому, как Кассиан чуть прищурился, поняла: он всё равно услышал больше, чем я намеревалась выдать.

— Вас это смущает, детектив Кристофорт? — спросил он.

— Меня смущают люди, которые появляются у меня за спиной без предупреждения, — ответила я. — Род их занятий лишь дополняет впечатление.

На этот раз он улыбнулся почти искренне.

— Тогда постараюсь впредь появляться перед вами.

— Желательно ещё и заранее сообщать о намерении появиться.

— Боюсь, это лишит меня некоторого профессионального очарования.

— Если ваше профессиональное очарование заключается в том, чтобы пугать людей на пустых площадях, боюсь, вы переоцениваете его эффективность.

Он негромко усмехнулся, но серьёзность из его взгляда так и не ушла.

На самом деле правда заключалась в том, что Кассиан Стэкфиртон был не просто некромантом с громким именем и сомнительной репутацией. Два года назад он активно участвовал в военных действиях, и именно тогда о нём впервые заговорили не как о талантливом специалисте по запретным дисциплинам, а как о человеке, способном изменить исход целого сражения.

Подробностей я знать не могла. Официальные отчёты, если они и существовали, наверняка лежали в закрытых архивах под несколькими печатями, а то, что доходило до столичных гостиных, ведомственных коридоров и газетных подвалов, больше походило на обрывки легенды, чем на достоверные сведения. Одни утверждали, что Стэкфиртон поднял из земли павших солдат, заставив их встать между живыми и смертью. Другие шептали, что он не воскрешал никого в привычном смысле, а лишь призвал тени погибших, связав их последнюю волю с собственной магией. Третьи уверяли, будто он вообще не нуждался в телах: достаточно было одного его слова, чтобы поле боя заполнилось холодом, а противники, ещё недавно уверенные в победе, начали падать на колени, глядя в пустоту перед собой.

Я не знала, где в этих рассказах заканчивалась правда и начинался страх.

Но одно не вызывало сомнений: его способности позволили ему одолеть врагов там, где обычные методы оказались бессильны. И, хотя никто не спешил произносить это вслух, слишком многие были обязаны ему жизнью. Те же самые люди, что за столом называли некромантию грязным ремеслом, в трудную минуту охотно принимали её плоды, если она спасала их земли, дома и семьи. Мир вообще был полон таких удобных противоречий.

Поговаривали, что сам король звал его к себе на службу во дворец.

Если слухи были правдивы, Стэкфиртону предлагали место, о котором многие маги могли только мечтать: покои в королевской резиденции, высокий чин, влияние, доступ к архивам и возможность работать под защитой короны. Такой дар редко отвергали. Ещё реже отвергали его без последствий. При дворе умели улыбаться, но не любили отказов, особенно от людей, чья сила могла оказаться слишком ценной, чтобы позволить ей исчезнуть из поля зрения.

Однако, как гласил слух, некромант отказался от этой чести.

Не устроил скандала, не произнёс громкой речи, не потребовал невозможного. Просто не принял приглашение. А затем исчез.

В глуши, куда-то далеко от любопытных глаз, от придворных интриг, от золотых залов и каменных коридоров, где каждый шаг слышен тем, кто умеет слушать. Никто толком не знал, в каком именно направлении он отправился. Одни называли северные пустоши, другие — старые земли у границы, третьи уверяли, что он поселился в городе, которого нет ни на одной новой карте. Все версии противоречили друг другу, но в одном сходились: Кассиан Стэкфиртон не хотел, чтобы его нашли.

И вскоре стало очевидно, что выбор этот оказался не таким уж плохим.

Люди быстро устают от тех, кто напоминает им о пережитом страхе. Пока Стэкфиртон был нужен, его терпели, восхваляли и приглашали ко двору. Но стоило опасности отступить, как его дар вновь начал казаться слишком мрачным, его имя — слишком тревожным, а его присутствие — слишком неудобным. Исчезнув, он избежал не только почестей, но и цепей, которые эти почести неизбежно за собой тянули.

И вот теперь он стоял передо мной — не в королевском дворце, не в столичной академии, не среди высших магов и военных советников, а здесь, в Леталии, небольшом городе, где улицы пахли сыростью, старым камнем и тайнами, которые слишком долго прятали под замком.

— Не ожидала увидеть знаменитого некроманта Кассиана Стэкфиртона в Леталии.

На его лице не дрогнул ни один мускул, однако в глазах мелькнул слабый отблеск насмешки.

— Не ожидал, что к нам отправят детектива-девушку. Они там действительно головой стукнулись? — без тени смеха поинтересовался он.

На мгновение я даже не нашлась что ответить.

Не потому, что подобное замечание было для меня новым. Напротив, оно было слишком знакомым. За годы службы я слышала десятки его вариаций: от снисходительных советов заняться чем-нибудь «более подходящим» до откровенных сомнений в моей способности выдержать вид крови, допрос подозреваемого или ночь без сна. Мужчины в управлении могли хвалить мою память, аккуратность, наблюдательность, но стоило делу стать опасным, как кто-нибудь обязательно вспоминал, что я женщина, словно это было не обстоятельством моего рождения, а профессиональным недостатком.

Я почувствовала, как внутри поднимается горячая волна раздражения.

Страх, смущение, тревога — всё это на мгновение отступило. Передо мной стоял знаменитый некромант, человек с репутацией почти легендарной, возможно, опасный, возможно, гораздо более осведомлённый, чем хотел показать. Но в этот момент он сказал ровно то же самое, что говорили десятки самодовольных чиновников до него. И это неожиданно сделало его не таинственнее, а проще. Почти обидно проще.

— И что с того, что я девушка? — гордо произнесла я, расправив плечи и вскинув голову.

Я сделала шаг вперёд, даже не заметив этого сразу. Каблук глухо стукнул по каменной плите, и звук отозвался в тишине площади резче, чем следовало. Я выпрямилась, выпятив грудь вперёд, словно сама осанка могла стать доказательством моей правоты. Внутри всё ещё бурлило негодование, но голос, к моему удовлетворению, не дрогнул.

— Это не значит, что я плохой детектив. Я здесь для того, чтобы раскрыть дело, и уверяю вас, моя квалификация не зависит от пола. Она зависит от ума, подготовки, опыта и умения доводить начатое до конца. А с подобным мнением я с удовольствием сражусь.

Кассиан молчал.

— В столице решили отправить меня, потому что я достаточно хороша для этого дела, — добавила я уже холоднее. — Если у вас есть возражения, можете направить их моему начальству. В письменном виде. С подписью, печатью и подробным объяснением.

— Ха-ха, дело не в том, плохой ты детектив или хороший, — протянул Кассиан, и в его голосе снова появилась та самая раздражающая ленца, словно он не беседовал со мной, а развлекался, наблюдая за моей реакцией. — А в том, что на мужиков вешаться будешь. Иначе для чего столь очаровательной девушке идти в столь неочаровательную профессию?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.